

Но не могли унять боль души Кедерин ни выпитая водка, ни скрипучая пластинка. Она вдруг рванулась из избы и, не закрывая за собой калитки, кинулась по тропинке, бегущей вдоль родника, к ферме. Добежав до окраины, увидела сидящего под забором человека. Боязливо подошла — и сердце сжалось от страшного предчувствия...

— Валюкка, встань! Ну, вставай же, чего ты надумал?! Ну, будь человеком, прошу тебя! — Она норовила заглянуть ему в глаза, но Валюкка сидел не шелохнувшись. — Валюкка, на ферму же надо! Запарник, небось, давно погас, а ты тут рассиживаешься! — умоляет Кедерин мужа, уговаривает, не кричит, не бранится, а увещевает ласково, терпеливо, нежно. Но Валюкка ничего этого не слышит...

Кедерин отчаянно затрясла мужа за плечи, заглядывая в лицо, но голова Валюкки падала вниз, валилась набок, точь-в-точь как у испорченной куклы. И тут Кедерин ощутила холод его мертвого тела. Судорожно схватила мужа за руку, пытаясь нащупать пульс. Его давно не было.

Растерянно и испуганно оглядевшись кругом, Кедерин жутко взвизвала, обняла коченеющего Валюкку, упала вместе на землю...

И долго плыл над оврагом то ли горестный плач, то ли жуткая пьяная песня, то ли запоздалый ласковый разговор двух людей.

1983

ГЕННАДИЙ АНДРЕЙЧ — ДУРАК УЧИТЕЛЬ

Геннадия Андрейча разбудил истощный поросячий визг.

— Ах вы, чертенята прожорливые, ночь-полночь вам нейметя! — незлобиво ругнул он несмышленишей и нехотя поднялся, дрожа от холода. Нашарил в темноте брошенные на стул брюки, поднял с полу упавшую с гвоздя фуфайку, оделся. Зажег свет в сенцах и распахнул дверь в избу, чтобы высветить чулан, открыл печную заслонку. Однако в печи за ночь ничего не прибавилось — одиноко стояли два горшка с водой, которые он сам поставил с вечера, чтобы к утру вода чуть-чуть согрелась.

— Чем же мне вас накормить, ума не приложу...

А поросята от света оживились еще пуще — все так же истощно визжа, они отгалкивали друг дружку, как малые дети, норовя вылезти из ящика с соломой первыми и прильнуть к еде.

Геннадий Андрейч присел на корточки и запустил руку в ящик. Погладил, почесал по спинке одного, другого. Почуяв человека, поросята стали тыкаться в руку холодными пяточками и сразу поутихли, сменили визг на терпеливое похрюкивание.

— Сейчас, сейчас накормлю вас. Вот сейчас сготовлю обед, чай поставлю...

Изба выстыла мгновенно. Окна заслезились, по полу за клубился холодный пар.

— Э-э, оглядываться еще на всех, — Геннадий Андрейч с силой захлопнул дверь и включил свет в избе. — Пусть думают, что хотят, теперь из-за них в темноте, что ли, сидеть? Пока еще, слава богу, в своем уме... А всех будешь слушать... Бояться темноты это еще не значит красть...

Во дворе хриплым со сна голосом коротко твякнул на осветившиеся окна Барбос и смолк, — видимо, снова спрятался в конуру.

За сенной дверью мяукнула кошка. Геннадий Андрейч впустил ее, ласково приговаривая:

— Вишь, Мурка, светает уже, гляди-ка...

Но кошка не стала глядеть никуда, а проворно вспрыгнула на печку.

— Да-а, жизнь, — Геннадий Андрейч протяжно вздохнул и, взяв большую миску, вышел на веранду. Вскоре он вернулся с миской, наполовину заполненной мукой, залил ее вынутой из печки водой и прямо рукой стал перемешивать. Той же рукой он откинул спустившиеся на лоб волосы и долго сидел в задумчивости; затем, облизнув пальцы, весело позвал:

— Ну, ребятки, налетай! — И поставил миску поросятам в ящик.

Но те ткнулись по разочку пятачками в болтушку и не стали ее есть, снова завозились, разноголосо заверещали.

— Ах ты, господи, забыл же совсем: песку ведь надо было всыпать!

Перемешал болтушку заново, поставил. Но поросята отказались и от подслащенного варена.

«Молока хотят, понятное дело», — сокрушенно подумал Геннадий Андрейч. А где оно, молоко-то? Нету его, и не будет. Потому что корову увезла на машине Зинка. Видишь ли, теленка дал ее отец, выходит, и корова ее. А прежнюю, доставшуюся от отца Геннадия Андрейча, они сдали на мясо — старая стала. Вот и остался Геннадий Андрейч без коровы. Да сам-то проживет и без молока, а вот поросятки... Вон они как страдают, бедняжки, глядеть больно.

Геннадий Андрейч взглянул на стенные часы, однако они давно остановились — гирька спустилась и села прямо на радио. Тогда он отдернул занавеску и глянул на улицу. За окном была сплошная темень. Выходит, ночь еще? Не светает? Должно, часа три пополудни, не больше...

Он вышел во двор — мороз обнял его как желанного гостя. И то — февраль на дворе, правда, уже на исходе. Весна приближается. Вон как кошки весело переговариваются.

Ах, бедняжки, снова вспомнил о поросятах Геннадий Андрейч, была бы мать жива — другое дело. А то и ее, вон, пришлось прирезать — опоросилась с трудом, а потом и вовсе захирела.

А куда, к кому в глухую ночь постучишься за молоком-то? Спят ведь все. Что у Верки, что у Кирилла — в окнах темным-темно. Кому не спится в три часа ночи, разве что поросяткам да Геннадию Андрейчу?

— Ах, Зинка, Зинка... И чего тебе не хватает? Живем не хуже других, все у нас порядком... — Сколько ни уговаривал жену Геннадий Андрейч, да разве уговоришь бабу, будто норовистую лошадь, закусившую удила?

— Надоело мне в этой дыре, дня не могу тут больше! Давай переедем в город! — молотила свое Зинка.

Геннадий Андрейч и сам подумывал о городе. Но поначалу не мог оставить в деревне одинокого отца. Потом самому уже расхотелось отрываться от родного гнезда. Веками тут жили его сородичи, так неужто ему, Геннадию Андрейчу, первому предстоит разорвать эту родовую связь? Этого он себе никогда бы не простил...

— Живем, как дураки, в деревне, вкальваем день и ночь, а что толку? Разве это полнокровная жизнь? Иль давай тогда в сельские богатеи запишемся? Полон подпол картошки, молоко свое, бесплатное! Да я лучше литр за рубль покупать стану, чем зиму и лето из-за одной только коровы спину гнуть! — кричала в сердцах Зинка.

И была, пожалуй, права. Ведь в самом деле: бесконечная работа, вечно в грязи, вечно в навозе. Глядеть на себя порой противно, в избу показаться стыдно.

— Неужели я пять лет в институте для того корпела, чтоб навоз в кучу сгребать? — день ото дня распалая себя Зинка.

— Так-то оно так, Зинка, но ведь и в деревне не все уж плохо...

— Оно, конечно, неплохо, особенно когда вмажешь как следует!

— Не говори пустое. Я уж забыл, когда и рюмку в руки брал...

Разговор этот начался прошлым летом и длился до самой осени. А после Нового года Зинка вместе с дочкой уехала в город. Дядя устроил ее на работу, нашел им квартиру. В первое время Зинка наезжала по выходным в деревню, а потом надолго пропала. А позавчера нагрянула вместе с дядькой и увезла на машине Красулю.

— Ты пойми, Геннадий, девочку кормить-обувать нужны деньги, а они, как известно, с неба не падают. Вот я и решила продать Красулю. Да и корова-то моя, согласишься?..

Слова против не сказал Геннадий Андрейч. Не то что против — умолять стал жену:

— Зина, может, не надо нам делиться-разводиться? Столько жили, и неплохо вроде жили, авось, и дальше проживем не хуже?

— Жить в деревне? Ни за что! Я не рабыня, чтоб заживо гнить здесь с тобой!..

А Геннадий Андрейч до сих пор в толк не возьмет: ну чего не хватило бабе? И вообще, что нужно человеку в жизни? Чего ему так не хватает?

Ну вот взять его самого. Скажем, чего ему недостает для счастья и покоя? Дом есть, хозяйство есть, голова вроде бы не пустая на плечах имеется... И любимая женщина была, да сплыла... Ну, кроме жены, правда, денег не хватает. Но их ведь редко кто с избытком-то имеет, небось, ни у кого они так врассыпную, не валяются. С другой стороны, зачем они ему? Что он, царь какой, чтобы в золоченых одеждах разгуливать? Да и на кой нужна она, такая дорогая одежда ценой в миллион? Артист, что ли, он, Геннадий-то Андрейч? Слава богу, не бос, не голоден, на том и спасибо. А остальное все приложится, остальное все в наших руках...

Но Зинке чего-то не доставало, и ворчала она, и дергалась — в город, в город... Удивительно: родилась и выросла в деревне, в крестьянском доме, а на вот — в город потянуло. Да, поистине непостижима женская натура! Кажется, за семь лет совместной жизни и должен бы узнать, кто она, чем дышит, ан нет: семь лет делили общую постель, а в какую ночь и на какую она сторону ляжет, угадать Геннадий Андрейч не умел никогда.

Есть у Геннадия Андрейча и еще одна небольшая обида на судьбу. Да и обида ли это?.. Уж больно тощ Геннадий Андрейч с виду, да и ростом не великан. Правда, самому он не кажется чересчур худосочным, вроде бы мужик как мужик, но стоит на какой-нибудь пирушке затеять мужикам меряться силой, как у бедного Геннадия Андрейча внутри будто что обрывается: куда уж ему, трехлучинному, с ними тягаться?.. И он, стыдясь своей немощи, бочком да сторонкой смывается подобру-поздорову домой. И нет на свете в тот миг человека несчастнее его. Потом, проспавшись, он снова идет в ту же компанию и, с ходу опрокинув рюмку, начинает дискуссию о том, будет или не будет война. И тут уж пойдешь поспорить с ним: это тебе не бычьей шеи гнуть, силушку дурную тешить. Тут идет состязание умов! И Геннадий Андрейч показывает себя во всей красе: он неторопливо перечисляет столицы всех государств мира, называет поименно всех президентов, все правящие партии, численность народов, населяющих планету, кто, в каком году и какой заключил договор с Советским Союзом и прочее, и прочее. «Политик, ты скоро домой?» — бывало, останавливала его Зинка. А мужики незлобливо-завистливо называли его «президент Геннади», имея в виду президента Кеннеди. На людях Геннадий Андрейч делал вид, что сердится за «президента», а в душе даже радовался такому сравнению...

Геннадий Андрейч постучал в Веркино окно. Что делать: совестно, конечно, но душа за поросят изболелась до крови.

— Ой, Верка, ты уж только не ругайся, я ведь того... опять к тебе за молоком... — сбивчиво заоправдывался Геннадий Андрейч. — Прости, что разбудил так рано...

— Да ладно, чего там разговоры говорить, — Верка махнула рукой и через минуту всучила ему трехлитровую банку с молоком.

— Ты того, не беспокойся, я все записываю, сколько беру... Вот только получу — и расплачусь, — виноватился и смущался Геннадий Андрейч.

— Да ладно тебе, Андрейч, иль мы не соседи? — И Верка скрылась за сенной дверью, а Геннадий Андрейч чуть ли не бегом кинулся к себе.

Поросята дружно припали к подогретому молоку. На запах спрыгнула с печки и кошка, подошла к ящику, обнюхала его.

— И ты проголодалась, Мурка? И тебе есть хочется? — Геннадий Андрейч налил молока в консервную банку.

Во дворе напомнил о себе Барбос.

— Эка, глупец, я и забыл о тебе начисто! — ругнул себя Геннадий Андрейч. — А ты ведь тоже, небось, оголодал, бедняга, — и вынес псу полбуханки хлеба. «Себе в столовой куплю, да Зоя в случае чего и взаимы даст...»

Долив еще молока повеселевшим поросятам, Геннадий Андрейч погасил свет, взобрался на печь и лег в чем был.

И так и не смог заснуть.

Перед глазами, будто в калейдоскопе, мелькали лица, в голове суматошились разные мысли. Ему чудился то чей-то смех, то чей-то плач...

«А ведь так недолго и с ума сойти, — пронзила Геннадия Андрейча жуткая мысль. — Неспроста, наверное, в народе говорят: кто много думает, тот с ума сходит...»

Он спустился с печи, нащупал выключатель, включил свет и снова залез на печь, умиротворенно смежил веки. И, кажется, только задремал, как по избе торжественно поплыл утренний гимн.

Геннадий Андрейч соскочил с печи, приглушил радио, поставил на плиту молоко. Потом взял ведра и сошел к роднику. Тут и повстречал первого прохожего — Пелагею с фермы. Поздоровался.

— Геннадий Андрейч, ты что ж, и наперед так жить собираешься? — заговорила вдруг ни с того ни с сего женщина. — Ты приходи к нам с ведрами-то на ферму, будто за горячей водой, а уж я налью тебе молока-то, ну обрату на худой случай.

— Люди-то что скажут? — испугался Геннадий Андрейч.

— А чего в этом плохого? Чай, односельчане, не чужие. Раз уж они появились на свет, поросята-то, не помирать же им без молока? Да и колхоз не обеднеет от двух-то ведер обрат.

Но не пошел на ферму Геннадий Андрейч. Что-то его крепко удерживало, гвоздило на месте.

Вернувшись в дом, он растопил печь, полюбовался на дружно принявшийся огонь.

В это время распахнулась калитка, и во двор вошла Пелагея с коромыслом на плече. Через минуту она поставила возле печи два ведра с молоком.

— Не надо, Пелагея, зря ты это... Не дай бог, кто увидит, — вконец растерялся Геннадий Андрейч.

— Поросьятам расти надо, и глядеть за ними надо, — строго сказала Пелагея, переливая молоко в пустые ведра.

Геннадий Андрейч весь поник, покраснел, замолчал.

А поросята, видимо, почуяли доброе дело и завизжали, но на сей раз радостно, весело, озорно.

Пелагея ушла. А Геннадий Андрейч сел за стол, взял в руки книгу, сегодня у него Достоевский в девятом, и у него своя метода: про «Преступление и наказание», что по программе полагается, он рассказывает вскользь, но всякий раз подробно и с пылом, в нарушение программы, толкует ребятам и девочкам про князя Мышкина.

— Идиот, идиот, идиот... — бормотал он едва слышно. — Стоп, да это же означает «дурак», «глупый»! А кому нужен «Идиот» в нашей чувашской деревне? Поросята — да, это задача так задача, сразу и ответа на нее не найдешь. Молока нет — они визжат. А напоишь — тотчас смолкают... А человеку чего недостает? Ну, Зинке, к примеру? Или мне? Бог его знает, недостает чего-то — и все тут... — Геннадий Андрейч задумался, потом развил ход своих мыслей дальше: — Может, и вправду перебраться в Чебоксары? Я же институт кончал не за поросьятами ухаживать. Ах, жизнь, жизнь... Может, я сам идиот, а жизнь тут ни при чем? Все правильные слова мимо ушей пропускаю... Точно, идиот и есть, форменный дурак! Это умным всегда чего-то не хватает, а дураки довольны всем. Такие вот, как я... — Вдруг на Геннадия Андрейча нашло какое-то просветление, он со стуком захлопнул Достоевского и вопрошил весело: — А чего Пелагее не хватает? Ей-то чего надо?

1983

РОЗЫ

Иосифу Дмитриеву

С чего пошло это беспокойство, от которого теперь нет нигде спасенья? И почему так болит душа? Когда она возникла, эта боль?.. Ах, да, во время спектакля, когда Эрре бросил мимолеетный взгляд в зал, вот тогда-то его будто